

*Кэти Мур, которая встала в пять утра,
чтобы прочитать мой отчет
в эсэмэсках о свадьбе Уильяма и Кейт.
Я люблю тебя, мама.*

С тех пор как шотландского принца Александра впервые заметили с белокурой американской красоткой, наших читателей страшно интересует все, что связано с Элли. А вы знаете все-все-все о будущей принцессе? Спорим, хотя бы что-то из нижеперечисленного окажется для вас неожиданностью:

1. Хотя у Элеоноры Винтерс такой же изысканный акцент, как у принца Александра, но родилась она во Флориде!
2. Очевидно, стремление быть в центре внимания передается в ее семье по наследству: отец Элли в молодости был музыкантом, а мать писала детективы, действие которых происходило в их собственном маленьком городке!
3. Элли родилась 9 сентября, а значит, по гороскопу она Дева (может, и не шутка, что принцы женятся только на девственницах)!
4. Она окончила школу с отличием, удостоилась Национальной стипендии за заслуги и была капитаном местной команды по плаванию. Но ее нынешние

достижения бьют все рекорды! Правда, школьных корон в этом списке нет. Но статья НАСТОЯЩЕЙ королевой гораздо круче, чем королевой выпускного бала!

5. Элли училась в престижном университете Айлс, на родине своего парня — и в его будущем королевстве. Она занималась английской литературой!
6. Ее любимый цвет — синий (вы об этом, возможно, догадались по фотографиям)!
7. В прошлом году Элли работала в маленьком издательстве в Эдинбурге. Она редактировала детские книжки по истории Шотландии. Может быть, она сама извлекла оттуда некоторые уроки?
8. Элли — вегетарианка с двенадцати лет. И она заставила принца Александра, большого любителя активных развлечений, отказаться от некоторых прежних хобби, например рыбалки и охоты! (Говорят, из-за этого она не пользуется большой любовью у его друзей!)
9. Хотя «Элеонора Винтерс» звучит изысканно, можно даже сказать по-королевски, но второе имя у нее далеко не такое стильное — «Берри»! Наверное, родители пошутили!
10. А может, в их семействе просто мода на звучные коротенькие имена, потому что семнадцатилетнюю сестру Элли зовут Дэйзи!

— Одна старуха назвала меня на «ш».

Я отрываюсь от журнала, который листаю. Изабель Алонсо, моя лучшая подруга и коллега по работе, опирается на свою кассу и щелкает пузырем из жвачки. Ее темные волосы заплетены в небрежную косу, которая кажется черной на фоне зеленого фартука.

— Только что? — спрашиваю я.

В магазине почти пусто — у нас мало клиентов, с тех пор как на другом конце города открылся огромный «Уолмарт» — и сегодня работают только две кассы. К моей никто не подходил больше часа, поэтому я читаю журнал. Но неужели я настолько увлеклась, что

пропустила нечто по-настоящему забавное, хотя и безусловно грубое?

Изабель закатывает глаза:

— Конечно, это я виновата, что сметана подорожала.

— Разумеется, — серьезным тоном отвечаю я. — Ты же богатая наследница молочной империи.

Изабель поворачивается к кассе и наугад нажимает на кнопки.

— Нам нужно найти другую работу, Дэз. Это унижительно.

Я не спорю... но у человека, живущего в маленьком городке в Северной Флориде, вариантов немного. Прошлой осенью я хотела пойти работать в библиотеку, но ничего не получилось — у библиотеки не было денег. К тому же волонтерство в Библейской летней школе избавило меня от желания возиться с маленькими детьми. Иными словами, устроиться няней или воспитательницей в детском саду на полставки я не могла, потому и прозябала в «Быстро-вкусно».

Хотя теперь, глядя на мобильник, прислоненный к кассе, я понимаю, что терпению настал предел.

— Три часа, лучшее время суток, — радостно говорю я.

Изабель стонет:

— Это нечестно!

— Слушай, я здесь с семи, — напоминаю я. — Если хочешь заканчивать пораньше...

— ...выходи в утреннюю смену, — договаривает она и машет рукой. — Ладно, миссис Миллер, не нуди. Я поняла.

Миссис Миллер — владелица магазина, и мы с Изабель за минувший год привыкли к ее поучениям.

Вздыхнув, Изабель облакачивается на кассу, подперев подбородок ладонью. Ногти у нее выкрашены в три оттенка зеленого, на изящном запястье висит простой бисерный браслет.

— Еще три недели, — говорит она, и я повторяю нашу любимую мантру.

— Еще три недели.

В конце июня мы с Изабель намерены без особой теплоты проститься с «Быстро-вкусно» и отправиться на Ки-Кон, а еще одну неделю провести просто болтаясь по Ки-Уэст. Там живет брат Изабель, с женой и невероятно милой дочкой, поэтому нам есть где остановиться (бесплатно и с одобрения

родителей). Вся моя жизнь вращается вокруг этой поездки. Мягко говоря. На конвенте мы оторвемся по полной программе, а кроме того, сделаем все, что положено в Ки-Уэст. Поплаваем с маской, побываем в домике Хемингуэя, пообедемся лаймовыми пирогами... Да, эта поездка должна стать ключевым событием лета, и мы с Изой планировали ее почти целый год, с тех пор как узнали про конвент. Наша любимая писательница, Эш Бентли, собирается выступить там с рассказом о своих книгах про Финнигана Спаркса. К тому же на конвенте планируется примерно двадцать разных мероприятий, где мы с Изабель хотим побывать, начиная с «Женских образов в космооперах» до выставки косплея. Это просто рай, и мы стоим на низком старте.

— Приезжай на выходных, начнем думать над костюмами, — говорит Изабель, выпрямляясь и тыкая в кнопки на кассе, в то время как Уитни Хьюстон над нашими головами надрывно поет о своей самой большой любви. — Я еще не решила, кем нарядиться — Мирандой из «Финнигана и Сокола» или Джеззой из «Луны Финнигана».

— Бен предпочел бы Джеззу, — говорю я. — На Джеззе гораздо меньше одежды.

Бен — парень Изы, и они встречаются уже стоициот лет. Ну ладно, с восьмого класса.

Иза задумчиво хмурится:

— Это так. Но Бен даже не собирается на конвент. А я не уверена, что готова сверкать ягодицами перед всем западным побережьем.

— Ты права, — признаю я. — И потом, если ты выберешь Миранду, то сможешь надеть фиолетовый парик.

Иза наставляет на меня указательный палец:

— Да! Значит, решено. Миранда. А ты кем будешь?

Улыбнувшись, я запираю кассу:

— Косплей — твоё увлечение. Я просто буду собой. Скучной девушкой в футболке и джинсах.

— Ты — моё большое разочарование, — говорит Иза, и я качаю головой.

Дверь открывается, и входит ещё один престарелый покупатель. Иза садится на место, а я заканчиваю возиться с кассой и несу деньги в кабинет миссис Миллер. В большинстве продуктовых магазинов продавцы сами пересчитывают выручку, но за годы общения со старшеклассниками миссис Миллер совершенно разучилась им доверять. И, честно го-

воря, я рада предоставить это занудное дело кому-нибудь другому.

Покончив с этим, я шагаю к выходу и замечаю по пути, что некоторые журналы на стойках возле касс развернуты к покупателям не передней обложкой, а задней, с рекламой.

Это, видимо, постаралась Изабель. Я подхожу к стойке и переворачиваю ближайший журнал. Успеваю мельком заметить фотографию блондинки с ослепительной улыбкой, а затем мой взгляд падает на заголовок, набранный жирным желтым шрифтом: «ДЕСЯТЬ ВЕЩЕЙ, КОТОРЫХ ВЫ НИКОГДА НЕ ЗНАЛИ ОБ ЭЛЛИ ВИНТЕРС!»

Интересно, способна ли хоть одна из этих десяти вещей удивить меня. Сомневаюсь.

Моя сестра всю жизнь прожила тихо и спокойно, прямо как будто знала, что однажды попадет на обложки глянца. Отчасти мне хочется полистать журнал, но затем я решаю, что: а) это ненормально и б) Изабель, в конце концов, тратила время и силы, стараясь уберечь мою психику.

— Там внезапно нет ничего плохого! — кричит она из-за кассы. — Я просто подумала, что тебе не надо это видеть.

Показав подружке оттопыренный большой палец, я шагаю к двери, расположенной в дальнем конце магазина.

Мои вещи лежат в комнате для персонала, чудовищном помещении с оранжевыми стенами, зелеными пластмассовыми стульями и поцарапанным столом. Кто-то когда-то вырезал на нем фразу «Бекки любит Джоша», и каждый раз, сидя здесь во время перерыва — читая или делая уроки, — я гадала, что случилось с Бекки и Джошем. Они по-прежнему любят друг друга? Скучала ли Бекки так же, как я?

Впрочем, Бекки никогда не приходилось видеть лицо своей сестры на обложке журнала.

И сама она не светила в желтой прессе.

Бр-р.

Скандал из-за фоток с выпускного по-прежнему причиняет такую боль, как будто в груди у меня застрял клубок терновника. Думать о нем — все равно что тыкать в больной зуб. Вроде бы отвлекаешься и забываешь, как это больно, но стоит сосредоточиться — и оказывается, что больше ни о чем ты думать не в состоянии.

А значит, сейчас мне нельзя думать об этом, иначе я, наверное, расплачусь прямо в под-